

Московскій митрополитъ Геронтій.

Въ полувѣковое почти государствование Іоанна III во главѣ церковнаго управленія стояло пять митрополитовъ. Хотя изъ нихъ, какъ имѣвшихъ извѣстное историческое значеніе, можно отмѣтить не болѣе двухъ, однако, вообще говоря, церковь имѣла замѣчательныхъ представителей. Строгое православіе Великаго Князя выдвигало на первый планъ религиозные интересы болѣе, чѣмъ когда-либо. Естественно, что и носители ихъ, церковная іерархія, получали очень важное значеніе и были люди далеко недюжинные. Такіе, какъ ростовскій архіепископъ Вассіанъ, младшій его современникъ, архіепископъ новгородскій Геннадій; Филовей еп. пермскій; представители монашества: Паисій троицкій, Іосифъ волоколамскій, Нилъ сорскій и многіе другіе были, можно сказать, знаменитостями іоаннова царствованія. Все это были люди несомнѣнно даровитые, по своему времени—просвѣщенные, отличавшіеся сильнымъ характеромъ и кипучей дѣятельностью. Казалось, сама судьба готовила ихъ къ высокому положенію, но ни одинъ изъ нихъ въ дѣйствительности не пошелъ далѣе епархіальнаго владыки, а иные занимали совсѣмъ скромныя мѣста. Между тѣмъ первосвятительство находилось въ рукахъ положительно лицъ второстепенныхъ, и это нужно сказать не только о Θεодосіа, Филиппѣ, Симонѣ, но и о Геронтіи и Зосимѣ. И если Геронтій оставляетъ о себѣ память, то какъ человѣкъ, который, не понимая теченій современной жизни, думалъ остановить исторію и пренебречь законы, управлявшіе ею. Борьба его съ

государственной властію была сплошной ошибкой чловѣка недальновиднаго, давшей прежде всего печальные результаты для самой церкви; борьба же съ только-что зарождавшейся живой мыслию въ московскомъ обществѣ свидѣтельствуеть объ умственной неразвитости и неспособности митрополита подняться выше интересовъ повседневной жизни.

Дѣятельность Геронтія такимъ образомъ была отрицательнаго характера, и съ этой точки зрѣнія она составляетъ достояніе исторіи.

I.

До занятія митрополіи Геронтій былъ самый обыкновенный архіерей. Хотя полная неизвѣстность, которая скрываетъ отъ насъ происхожденіе и первые шаги его дѣятельности, есть общая участь всѣхъ, выбившихся изъ низовъ людей, все-таки таланту, незаурядной по крайней мѣрѣ личности, при Іоаннѣ III легко было заявить о себѣ если не въ качествѣ симоновскаго архимандрита, то въ санѣ епископа коломенскаго. Между тѣмъ до 1473 года, когда Геронтій занялъ митрополію, слѣдовательно, цѣлыхъ двадцать лѣтъ, современникъ вспоминаеть о немъ лишь тогда, когда по канонамъ церкви было необходимо присутствіе его, напр.: при поставленіи и избраніи митрополита и того или другого іерарха. Незамѣтно и замѣчательно было управленіе Геронтія коломенской епархіей; незамѣтно и неожиданно онъ становится во главѣ русской церкви.

Предшественникъ его, великаго смиренія и благочестія чловѣкъ, м. Филиппъ I неожиданно скончался въ апрѣлѣ 1473 г.

Для выбора и поставленія новаго первосвятителя въ томъ же мѣсяцѣ въ Москву съѣхались епископы московской митрополіи. Повидимому, сомнѣнія не могло быть въ томъ, что этотъ высокій постъ предоставятъ архіепископу ростовскому Вассіану, царскому духовнику и во всѣхъ отношеніяхъ достойному іерарху, но избраннымъ оказался Геронтій. До сего времени неизвѣстный, не отличавшійся высокимъ умомъ, малокнижный, Геронтій всего менѣе былъ пригоденъ для митрополіи, и лѣтописецъ не знаетъ, какъ произошелъ его выборъ. Однако, историкъ не можетъ, подобно лѣтописцу, пройти молчаніемъ этотъ фактъ, не попытавшись его объяснить, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ, если ему удастся приподнять хотя край завѣсы, скрывающей прошлое, онъ освѣтитъ и всю совокупность событій даннаго времени, остающихся совершенно въ тѣни. Итакъ необходимо обратиться къ побочнымъ обстоятельствамъ, на кото-

рыхъ, какъ на общемъ фонѣ, и могла вырисоваться фигура Геронтія—митрополита.

Въ правленіе Іоанна видное участіе въ дѣлахъ принимала мать его, Великая Княгиня Марія. Лѣтописцы достаточно говорятъ о вліяніи ея на сына, который въ важныхъ случаяхъ политической и своей личной жизни прибѣгалъ къ совѣтамъ этой много видѣвшей и испытанной женщины. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и при избраніи новаго митрополита дѣло не обошлось безъ ея указаній. Несомнѣнно, что Геронтій былъ извѣстенъ московскому двору уже четверть вѣка—сначала какъ архимандритъ Симонова монастыря (съ 1447 года), а потомъ какъ епископъ коломенскій (съ 1453 года). Какъ онъ приобрѣлъ себѣ расположеніе великокняжеской семьи, по крайней мѣрѣ, Великой Княгини,—трудно сказать. Могло быть такъ, что во время усобицы, происходившей между Василиемъ II и Василиемъ Шемякой, когда вопросъ о московскомъ престолѣ былъ рѣшенъ окончательно духовенствомъ въ пользу Темнаго, Геронтій, тогда лишь Симоновскій настоятель, особенно заявилъ себя сторонникомъ послѣдняго, почему Великій Князь и его супруга питали къ нему особую пріязнь. Какъ бы то ни было, но пріязнь эта во всякомъ случаѣ существовала и, по видимому, была давней. Неизвѣстно, съ какого времени при дворѣ Княгини-матери образовался кружокъ близкихъ людей, въ которомъ видимъ: дядю государя, добродушнаго верейскаго князя Михаила Андреевича, нѣкоторыхъ бояръ, и особенно среди нихъ бросается въ глаза одно лицо, встрѣчающееся сначала въ качествѣ игумена Кирилло—Бѣлозерскаго монастыря, а потомъ епископа суздальскаго—Нифонта. Къ этому Нифонту Великая Княгиня питала глубокое почтеніе и довѣріе; съ нимъ же въ очень близкихъ отношеніяхъ былъ и князь Михаилъ. Кружку не былъ чуждъ и Геронтій, потому что не менѣе близкая дружба связывала его съ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ, какъ и съ Нифонтомъ. Вотъ въ общемъ картина взаимоотношеній, которая, кажется, достаточно уясняетъ путь, приведшій Геронтія къ митрополичьей кафедрѣ.

Понятно, что Великая Княгиня, возвышая Геронтія, не шла противъ воли Іоанна ¹⁾. Государь, вѣроятно, думалъ найти въ немъ такого же смиреннаго митрополита, какимъ онъ зналъ его въ санѣ епископа. Этимъ же соображеніемъ отчасти, нужно

¹⁾ Татищевъ. Истор. Россійск., ч. V, подъ 1473 г. въ Чт. Общ. Ист. Др., 1847, № 4.

думать, руководился и соборъ, видѣвшій въ Геронтіи также избранника Княгини-матери, а главное рѣшающее значеніе въ его глазахъ имѣло настроеніе будущаго первоіерарха.

Въ описываемое время въ жизни русскаго общества готовилась большая перемѣна. Вѣковое традиціонное господство авторитета въ области мысли стало постепенно смѣняться стремленіемъ къ самонаблюденію и самодѣятельности. Московскіе люди въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, чувствуя неудовлетворенность книжной мудростью, единственной своей руководительницей, стараются сами, своимъ умомъ, дойти до истины и не успокоиваются до тѣхъ поръ, пока не подыскиваютъ твердыхъ началъ при рѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ. Критика всего того, что когда-то составляло основу религіозно-моральной и умственной жизни, своего рода „переоцѣнка цѣнностей“, вотъ что теперь почитается необходимымъ со стороны новаго зарождавшагося движенія. Великій Князь всецѣло примыкаетъ къ нему. Онъ окружаетъ себя сочувствующими и готовыми содѣйствовать его просвѣтительнымъ стремленіямъ людьми, принадлежащими къ разнымъ классамъ общества, не исключая духовенства и монашества. Изъ среды того и другого вышли: архіепископъ Вассіанъ, его преемникъ архіеп. Іоасафъ, архим. Геннадій, Паисій троицкій, Нилъ сорскій. При несомнѣнномъ своемъ правовѣрїи, они, однако, далеко расходились въ пониманіи сущности православія съ тѣми, которые почитали себя его столпами. Послѣдніе были предтечами и плоть отъ плоти современниковъ п. Никона, своей кровію защищавшихъ „азы“ и въ нихъ видѣвшихъ спасеніе. Какъ они должны были смотрѣть на тѣхъ, которые не считали за грѣхъ разрѣшать питье богоявленской воды послѣ принятія пищи и не видѣли въ томъ ея „безчестія“, или же учили о „посолонномъ“ хожденіи, т.-е. смотрѣли на обрядъ, какъ на обрядъ, а не какъ на непогрѣшимую истину? Съ точки зрѣнія ихъ подобныя лица были опасными новаторами и разрушителями церкви, а вѣдь такимъ именно и былъ Вассіанъ. Можно ли было, поэтому, ставить его во главѣ церкви и не значило ли это предать ее конечному разрушенію? Вассіанъ, слѣдовательно, даже при поддержкѣ Великаго Князя, митрополитомъ быть не могъ, а могъ имъ быть Геронтій, рѣшительно осудившій эти новшества.

Новому митрополиту сразу же приходилось становиться въ оппозицію въ ожиданіи борьбы, и борьбы серьезной, ибо, силою вещей, потомъ къ разногласіямъ чисто отвлеченнаго характера, присоединяется новый факторъ, несравненно болѣе могуществен-

ный. чѣмъ первый,—это вопросъ объ отношеніи церкви къ государству. Правда, прежнія вѣковыя начала достаточно опредѣлили ихъ взаимодѣйствіе, но теперь было не то; теперь наступало время московскаго единодержавія,—принципъ, который не терпѣлъ никакихъ стѣсненій, въ томъ числѣ и церковныхъ. Итакъ, съ одной стороны первоіерархъ, опирающійся на іерархическій и монашескій сонмъ, Княгиня-мать и другіе сильные люди, а съ другой—единичныя личности, одаренныя, просвѣщеннѣйшія, широтою своихъ воззрѣній возвышавшіяся надъ современниками на нѣсколько головъ при могущественной поддержкѣ самого Государя. Ясно, что послѣдній противникъ былъ опасный и его нельзя было обезоружить однимъ авторитетомъ, какъ думалъ Геронтій, и что обнаружилось на первыхъ же порахъ его первосвятительства. Для побѣды надъ такимъ противникомъ нужно было его же оружіе: сила довода и разумнаго обоснованія и строгое различеніе небеснаго отъ земнаго, чего не хотѣли и не могли признать ни митрополитъ, ни его единомышленники, въ силу чего борьба и была проиграна ими. Къ сожалѣнію, подробностей ея современники не оставили намъ. Впрочемъ, невозможно требовать, отъ лѣтописца начертанія послѣдовательной, шагъ за шагомъ развертывающейся, картины отношеній, постепенно осложнявшихся. Многія интимныя черты изъ жизни обѣихъ сторонъ несомнѣнно были скрыты отъ него и остались неизвѣстны. Что дѣйствительно въ лѣтописномъ повѣствованіи существуетъ весьма значительный пробѣлъ, уничтожающій даже связь между отдѣльными эпизодами борьбы, это ясно. Лѣтописецъ останавливается лишь на такихъ выступленіяхъ партій, которыя были общеизвѣстны, хотя истинныхъ причинъ ихъ онъ не знаетъ и потому оставляетъ неуясненными. Такой именно характеръ носятъ его разсказъ о первомъ столкновеніи Геронтія съ Вассіаномъ и Великимъ Княземъ.

Столкновение вышло изъ-за Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Обитель эта издавна находилась въ вѣдѣніи ростовскаго архіепископа. Въ 1476 году сюда былъ присланъ новый игуменъ, нѣкій Нифонтъ, а съ нимъ явились и новыя „черницы“, которые, вмѣстѣ съ игуменомъ, были почему-то недовольны Вассіаномъ и рѣшили совсѣмъ освободиться отъ его власти. „Тѣмъ бо черницы Кириллова монастыря, превозносящеся своимъ высокоуміемъ суетнымъ и богатствомъ, не восхотѣша быти подъ правдами ростовскія епископіи, ни повиноватися ростовскому архіепископу и научиша Князя Михаила, Князь же Михаилъ начатъ о томъ говорити митрополиту, митрополитъ же, пови

нулся Князю Михаилу, и грамоту даде ему, чтобы Князю Михаилу вѣдати монастырь, а ростовскому архіепископу въ его не вступатись“¹⁾. Но Вассіанъ не таковъ былъ человекъ, чтобы могъ уступить да еще при явномъ нарушеніи каноническихъ правилъ. Онъ пожаловался на самоуправство митрополита Великому Князю и просилъ разсмотрѣть дѣло соборнымъ порядкомъ. Тогда Государь частнымъ образомъ старается убѣдить Геронтія отказаться отъ необдуманнаго поступка: „Отче, авъ не вступаю въ твою власть, имаши бо надъ церковію всею и надъ всѣми служащими, то ихъ монастыри устроить, беречи и научати, и ихъ суди: а зане церкви и монастыри устроены и снабжены отъ предковъ нашихъ, великихъ князей и мѣстныхъ князей и дворянъ, и отъ градовъ, то не имаши власти ихъ кому отдавати... ино то не годится“. „Но митрополитъ же со гнѣвомъ отрече, яко онъ иматъ власть надъ всѣми монастыри и волостми ихъ“²⁾. Послѣ этого собрался соборъ (въ 1478 году). Великій Князь вытребовалъ у Михаила Верейскаго митрополичью грамоту, которая и была представлена на соборное разсмотрѣніе. „Многу взысканію бывшу, замѣчаетъ лѣтописецъ, митрополитъ же убоися соборнаго суда и умоли Великаго Князя. Князь же великій умири митрополита съ архіепископомъ, а грамоту изодравъ, а Кирилловъ монастырь указаша вѣдати по старинѣ ростовскому архіепископу“³⁾. „Все же и зло бысть отъ тогда бывшаго Кирилловскаго игумена, новоначальнаго Нифонта, и отъ новоначальныхъ чернцовъ“, заключаетъ лѣтописецъ.

Послѣдуемъ указанію источника и остановимся на „новоначальномъ“ игуменѣ—главномъ виновникѣ, по убѣжденію лѣтописца, происшедшаго „зла“. Уяснить, что это была за личность, игуменъ Нифонтъ—вообще не легко, ибо и о немъ имѣются одни лишь намеки, случайные штрихи, не болѣе. Отправной точкой для сужденій о немъ можетъ служить единственно слѣдующее.

Незадолго до столкновенія Геронтія съ Вассіаномъ, Княгиня-мать рѣшила принять монашество, и 2 февраля 1478 года она, дѣйствительно, была пострижена въ Москвѣ именно Нифонтомъ⁴⁾. Тотъ фактъ, что чинъ постриженія былъ совершенъ

¹⁾ Татищевъ, *op. cit.*, подъ 1477 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 202.

никѣмъ другимъ, какъ имъ, призваннымъ для этого изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, ясно говорить объ особомъ уваженіи къ нему со стороны Великой Княгини. Съ другой стороны, такимъ же значеніемъ, если не большимъ, этотъ игумень пользовался и у Князя Михаила Андреевича Верейскаго. Последний, связанный родственными узами съ московскимъ великокняжескимъ домомъ, былъ своимъ человѣкомъ во дворцѣ и, кажется, главнымъ образомъ, для Княгини-матери. Къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣленно сказать ни того, какъ Нифонтъ пріобрѣлъ ихъ расположеніе, ни того, гдѣ они его узнали. Однако, прочныя отношенія, установившіяся между Княгиней, Княземъ Михаиломъ и Нифонтомъ, указывающія на давнее знакомство, даютъ основаніе утверждать, что сблизились они въ Москвѣ. Нужно думать, Нифонтъ былъ московскимъ старожиломъ. Такъ какъ современники до этого момента его не знаютъ, а въ качествѣ простаго монаха приблизиться ко двору онъ едва-ли могъ, то остается допустить, что Нифонтъ принадлежалъ къ московскому и даже придворному духовенству и былъ духовникомъ Великой Княгини, ибо только этимъ можно объяснить фактъ постриженія ея настоятелемъ Кирилловскаго монастыря. Пользуясь доступомъ въ царскія палаты, Нифонтъ здѣсь же могъ познакомиться съ Княземъ Михаиломъ Андреевичемъ и пріобрѣсти его полное довѣріе. Нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что Нифонтъ, по убѣжденію Княгини-матери и Князя Михаила, принялъ самое монашество съ условіемъ сдѣлаться настоятелемъ Кирилло-Бѣлозерской обители. На это какъ будто указываютъ слова лѣтописца, называющаго Нифонта „новоначальнымъ“: ихъ можно понимать не только въ смыслѣ недавно получившаго власть, но и въ смыслѣ недавняго постриженія.

Высокое покровительство, которымъ располагалъ Нифонтъ, приводило его къ „высокоумію“. Сознаніе своей силы необыкновенно надмевало новаго игумена. Онъ находилъ для себя старыя порядки, которые утвердились здѣсь еще со времени преподобнаго Кирилла, основателя монастыря, крайне стѣснительными, и прежде всего—зависимость свою отъ ростовскаго архіепископа.

Нельзя думать, что недовольство Вассіаномъ вызвано было какими-нибудь принципиальными соображеніями; лѣтописецъ прямо говоритъ, что „брань“ произошла „отъ прихожихъ счетовъ“, которая можетъ быть развилась на почвѣ личныхъ счетовъ. Если предположеніе, что Нифонтъ былъ когда-то близокъ

ко двору, вѣрно, то возможно допустить столкновѣнія между нимъ и Вассіаномъ, происшедшія именно въ это время.

„Новоначальный“ повелѣ интригу противъ ростовскаго владыки издадека. Дѣйствуя на добродушнаго Князя Михаила Андреевича, онъ уговорилъ его искать свои ктиторскія права на монастырь; митрополитъ же, „повинуясь Князю Михаилу“, удовлетворилъ его искательство. Что Князь здѣсь игралъ пассивную роль и нисколько не былъ заинтересованъ въ дѣлѣ, это ясно само собою. Напрасно только лѣтописецъ постарался изобразить поведеніе Геронтія въ такомъ невинномъ видѣ: упорство, съ которымъ послѣдній отнесся къ требованію даже Великаго Князя, желавшаго урезонить его и ввести въ законныя границы, слишкомъ доказательно говоритъ о противномъ. Очевидно, мысль нанести ударъ Вассіану занимала митрополита не менѣе, чѣмъ самого Нифонта; потому что идти на крупнѣйшую непріятность ради „высокоумаго“ игумена онъ, конечно, не рѣшился бы.

Итакъ, помимо личныхъ отношеній, которыя могли побудить Нифонта устроить „зло“, необходимо должны были быть и другія, болѣе серьезныя причины. И ихъ нетрудно указать, если припомнимъ условія, при которыхъ произошло избраніе Геронтія и о которыхъ говорилось выше. Къ какой же изъ указанныхъ партій могъ принадлежать Нифонтъ? Изъ послѣдующей дѣятельности его, уже въ санѣ суздальскаго епископа, когда въ Москвѣ шла сильная борьба религіозно-церковныхъ направленій, извѣстно¹⁾, что онъ ратовалъ вмѣстѣ съ Іосифомъ волоцкимъ, а это прямо говоритъ о принадлежности Нифонта къ сторонникамъ митрополита. Но партія эта должна была стремиться къ устраненію своихъ противниковъ; поэтому выступленіе ея противъ главы послѣднихъ является логически послѣдовательнымъ и необходимымъ. Побѣда надъ Вассіаномъ была важна не тѣмъ только, что она уничтожала лично непріятнаго митрополиту человѣка, а еще и тѣмъ, что въ лицѣ архіепископа наносился ударъ самому направленію и косвенно—Великому Князю, поддерживавшему его. Слѣдовательно, въ общемъ планѣ дѣйствій Геронтія Нифонтъ игралъ лишь служебную роль.

Выступая противъ Вассіана, митрополитъ вполнѣ былъ увѣренъ въ своемъ торжествѣ. Эту увѣренность питали въ немъ: Княгиня-мать и Князь Михаилъ Андреевичъ. Нѣтъ сомнѣнія,

¹⁾ См. нашу стат. въ „Богослов. Вѣстн.“ (1906 г., октябрь): „О мнѣніи о еретич. м. Зосимѣ“.

что онъ разсчитывалъ и на поддержку сослужителей-архіереевъ, зная общее настроеніе ихъ по отношенію къ ростовскому владыкѣ. Насколько Геронтій полагался на нихъ, можно заключить уже потому, что онъ рѣшился довести дѣло до соборнаго обсужденія и только здѣсь, послѣ бурныхъ дебатовъ, ведшихся совсѣмъ не въ его пользу („многу взысканію бывшу... и убояся соборнаго суда“), понялъ, какъ ошибочны были его надежды на епископовъ и какъ онъ былъ недалъновиденъ. И дѣйствительно: нужна ли была особая проницательность, чтобы видѣть, какъ отнесутся къ нарушенію своихъ правъ владыки? А вѣдь митрополитъ, посягая на прерогативы одного епископа, хотя бы ростовскаго, не создавалъ ли тѣмъ прецедентъ для будущихъ проявленій своего самовластія и по отношенію къ другимъ владыкамъ?

Конечно, они должны были возстать противъ подобной узурпаціи, и возстали („...умоли (Геронтій) Великаго Князя: Князь же велики умири митрополита со архіепископомъ“...).

II.

Происшедшее примиреніе не было, да и не могло быть искреннимъ! Согаласіе было лишь наружное, и стоило только представиться удобному случаю, чтобы скрытая вражда обнаружилась снова.

Случай представился не далѣе, какъ въ слѣдующемъ же 1479 году. Еще м. Филиппъ взялъ на себя заботу возобновить древнюю кафедральную церковь Успенія Пр. Богородицы, построенную Великимъ Княземъ Іоанномъ I Калитою. Стройка, веденная неумѣлыми русскими мастерами, кончилась тѣмъ, что церковь развалилась. Призванный изъ-за границы „венеційскій муроль“, извѣстный строитель Аристотель, соорудилъ великолѣпный храмъ, уже при Геронтіи, „вельми чудный величествомъ, и высотой, и свѣтлостью, и звонностью, и пространствомъ“¹⁾. 12 августа 1479 года съ особеннымъ торжествомъ храмъ былъ освященъ въ присутствіи Великаго Князя митрополитомъ Геронтіемъ, архіепископомъ Вассіаномъ и двумя епископами въ сослуженіи „всего московскаго священнаго собора“. Освященіе было торжествомъ для всей столицы: была „радость велія во градѣ Москвѣ“. Великій Князь приказалъ раздать обильную милостыню по монастырямъ и нищимъ, а для высшаго духовенства устроенъ былъ обѣдъ въ палатахъ Государя²⁾.

¹⁾ Времен., ч. II, стр. 146.

²⁾ Тамъ же. Лѣтопис., стр. 205.

Все, повидимому, шло хорошо. Но въ это самое время „нѣщя, по замѣчанію лѣтописца, клеветаша Великому Князю на митрополита Геронтія, глаголюще: яко не посолонь ходилъ со кресты около церкви, егда свящалъ и того ради гнѣвъ Божій приходитъ. Князь же Великій вознегодова о семъ“¹⁾. Поднялся споръ, какъ нужно на самомъ дѣлѣ совершать крестный ходъ, въ какомъ направленіи—посолонь или не посолонь. Одни изъ архимандритовъ, игуменовъ стали на сторону митрополита, а другіе были за Великаго Князя; нѣкто говорилъ, напимѣръ, что онъ видѣлъ на Святой горѣ, какъ тоже освящали церковь, а со крестами ходили не посолонь, а противъ солнца. Когда наличныя познанія спорившихъ оказались неудовлетворительными, рѣшили обратиться къ книгамъ, но и тутъ отвѣта сыскать не могли. Великій Князь обратился тогда къ архіепископу Вассіану и чудовскому архимандриту Геннадію. Это была своего рода послѣдняя справка: если бы они не рѣшили вопроса, то, слѣдовательно, его нужно оставить открытымъ. Новый диспутъ, въ которомъ приняли участіе Вассіанъ и Геннадій и самъ митрополитъ, кончился также ничѣмъ: много препирались, но „истины не обрѣтоша“.

Такъ излагаетъ лѣтописецъ происхожденіе и сущность спора о хожденіи „посолонь“. Изъ его сбивчиваго и спутаннаго разсказа, освѣщеннаго при томъ съ собственной точки зрѣнія, не совсѣмъ ясно видно, какъ возникъ самый вопросъ и какъ онъ постепенно осложнялся. Несомнѣнно, поводъ къ спору подало освященіе новопостроеннаго храма, но съ лѣтописцемъ нельзя согласиться, будто онъ былъ вопросомъ новымъ. Страннымъ и неестественнымъ кажется внезапный гнѣвъ Великаго Князя на то только, что митрополитъ, слѣдуя старинному обычаю, совершилъ крестный ходъ такъ, какъ онъ совершался всегда до него, т.-е. противъ солнца. Чтобы понять „негодование“ Государя, необходимо допустить уже ранѣе бывшія, вѣроятно—неоднократныя, разсужденія по этому предмету. Необходимо допустить, что во время этихъ разсужденій обнаружилась полная несостоятельность защитниковъ стариннаго обычая, не имѣвшихъ возможности доказать осмысленность его. Должно думать, что результатъ этихъ словопреній былъ извѣстенъ не только Великому Князю, но и митрополиту, и что Великій Князь, сообщая съ противниками старины, рѣшилъ болѣе не держаться

¹⁾ Тамъ же, стр. 148.

его. Возможно, что и Геронтій согласился съ ними, но потомъ, подъ стороннимъ вліяніемъ, въ рѣшительный моментъ, отступился и сталъ держаться прежней практики. Только въ такомъ случаѣ можно понять причину гнѣва Іоанна III на митрополита и слова говорившихъ: „того ради гнѣвъ Божій приходитъ“. Очевидно, вопросъ о крестныхъ ходахъ доподлинно былъ выясненъ еще прежде, и теперь, когда митрополитъ все-таки совершилъ его по старинѣ, возбуждается негодование Великаго Князя. Лѣтописецъ же, не зная исторіи вопроса, объяснилъ себѣ неудовольствіе со стороны Іоанна наговорами другихъ, какъ будто только въ данную минуту открывшими ему глаза. Но мыслимо ли допустить, чтобы Государь, прекрасно знавшій весь ритуальъ православнаго богослуженія и то, что митрополитъ неуклонно слѣдовалъ ему, вдругъ нашелъ дѣйствія его неправильными со словъ какихъ-то „нѣціихъ“?! Несомнѣнно, что, даже убѣжденный доводами этихъ „клеветниковъ“, онъ посоветовался бы съ людьми авторитетными и лишь тогда, безъ гнѣва, сообщилъ бы митрополиту, какъ смотреть на обрядъ другіе. Не должно казаться страннымъ, что Великій Князь могъ отступить отъ искони освященнаго церковнаго обычая. Если взять во вниманіе прекратившіяся сношенія съ Византіей (вслѣдствіе завоеванія ея), когда слишкомъ затруднительно было справиться съ практикой восточной церкви и убѣдиться въ правильности ея, а съ другой стороны—отпаденіе грековъ въ унию, бросавшее тѣнь на самое православіе ихъ, тогда будетъ понятна рѣшимость его слѣдовать своимъ собственнымъ авторитетамъ, доказывавшимъ, при томъ очень убѣдительно, правильность хожденія „посолонь“. Необходимо, кромѣ того, имѣть въ виду и общее направленіе внѣшней и внутренней политики Іоанна III. Рѣшеніе его сблизиться съ Европой и заимствовать оттуда начала новой жизни, привить своему народу просвѣщеніе, пробудить въ немъ чувство самосознанія и самостоятельности, было постоянною цѣлью этого Великаго Государя,—цѣлью, которую онъ преслѣдовалъ почти до самой своей смерти. Іоаннъ III, какъ впоследствии и Императоръ Петръ, хотѣлъ установить отношенія и къ церкви другія, чѣмъ они были при предшествовавшихъ Великихъ Князяхъ. Того режима въ старо-московскомъ духѣ, которымъ проникнута была іерархія и ея дѣятельность, въ это царствованіе не было. Религіозныя движенія конца XV и начала XVI вѣка ясно свидѣтельствуютъ, насколько либерально было московское правительство, допускавшее свободно развиваться въ Москвѣ и Новго-

родѣ богомилству и поощрявшее занятіе науками ¹⁾, отъ которыхъ Іосифъ волоцкій приходилъ въ ужасъ. Понятно, что при этомъ приходилось коснуться и нѣкоторыхъ сторонъ церковной жизни, не подходившихъ къ видамъ правительства. Правда, Іоанну III не суждено было сдѣлаться Петромъ Великимъ, и ему удалось выполнить только часть намѣченной программы, но, при случаѣ, какъ это было съ „посоломъ“, онъ не прочь былъ отказаться отъ старины.

Изъ лѣтописнаго повѣствованія можно заключать, что начало спора и самый споръ возникъ такимъ образомъ. Когда митрополитъ, вопреки вѣроятному соглашенію—оставить прежній обычай ходить со крестами противъ солнца, все-таки совершилъ его по-старому, то Великій Князь остался этимъ крайне недоволенъ. Причина гнѣва стала извѣстна тогда же, благодаря разговорамъ сторонниковъ Государя. Тотчасъ же вопросъ о правильности или неправильности совершеннаго обряда сдѣлался предметомъ обсуждения людей досужихъ, имѣвшихъ къ тому же возможность высказать свое болѣе или менѣе авторитетное сужденіе, именно монаховъ. Сужденія были совершенно частнаго характера, мнѣнія любителей. Что таковы они были и на самомъ дѣлѣ, это видно изъ словъ лѣтописца: „глаголаху архимандрити и игумени“ и ни слова не говорится ни о епископахъ, ни о бѣломъ духовенствѣ. Но, по обстоятельствамъ времени, вопросъ принялъ общецерковное значеніе и изъ монашескихъ келій переходитъ въ высшіе іерархическіе круги. Въ немъ вынуждается принять участіе самъ митрополитъ и тѣ, которые оспаривали правильность его дѣйствій, и стоявшіе доселѣ за Великимъ Княземъ. Дѣло доходитъ до публичнаго обсуждения, и вотъ тутъ-то выступаетъ Вассіанъ и новое лицо, чудовскій архимандритъ Геннадій, извѣстнѣйшій впоследствии новгородскій архіепископъ. Лѣтописецъ говоритъ, что ихъ призвалъ Великій Князь, а почему призвалъ—ясно: онъ уже зналъ ихъ мнѣніе по спорному дѣлу, зналъ же потому, конечно, что они и были тѣми людьми, кои еще ранѣе указывали несостоятельность хожденія противъ солнца. Итакъ, вотъ кто были истинные виновники происшедшаго столкновенія Іоанна III съ Геронтиемъ. Однако, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы это столкновеніе вызвано было Вассіаномъ намѣренно, изъ вражды къ митрополиту: какъ уже говорилось—споръ со стороны архіепископа и Геннадія былъ чисто богословскаго ха-

¹⁾ См. нашу стат. въ „Богослов. Вѣстн.“ (1906, июнь—июль): „Русскіе богомилы XVI в.“.

рактера, какъ можно заключать изъ отрывочныхъ фразъ, приводимыхъ лѣтописцемъ. При этомъ ясно сказывается вся неподготовленность Геронтія и его некнижность. Лѣтописецъ, который всецѣло стоитъ на сторонѣ послѣдняго, рассказываетъ о происшедшемъ словесномъ состязаніи такъ: „митрополитъ же, свидѣтельство приводя, глаголаше: егда діаконъ кадитъ во алтари престолъ, то на правую руку ходитъ съ кадиломъ“. Вотъ и все, что могъ сказать Геронтій. Не вдаваясь ни въ какія соображенія, онъ опирался лишь на существовавшую практику; такъ повелось изстари, а о томъ, что это могло быть и неправильно, онъ не допускалъ и мысли. Между тѣмъ аргументація Вассіана и Геннадія была такова: „они свидѣтельства никого не приношаху, но глаголаху: солнце праведное Христосъ на ада наступи, и смерть связа, и души свободи: и того ради исходятъ на пасху, тожъ преобразуютъ на утрени“¹⁾. Т.-е.: они стали на совершенно другую точку зрѣнія, а именно: какой смыслъ и значеніе имѣло вообще хожденіе со крестами. По ихъ мнѣнію, крестный ходъ обозначалъ собою путь Христа. Солнца правды, которое, подобно обыкновенному солнцу, шествуетъ на западъ, къ падшимъ, грѣшнымъ людямъ, чтобы возстановить ихъ; шествуетъ къ мѣсту тьмы духовной, которую онъ, Христосъ, разсѣиваетъ своимъ страданіемъ, смертію и воскресеніемъ и попираетъ адъ, символизируемый западомъ. Какъ Христосъ, по вѣрованію церкви, снизошелъ во адъ и тамъ, освободивъ души умершихъ праведныхъ, явился какъ бы съ запада, такъ и въ день Пасхи, на утреннемъ богослуженіи, крестный ходъ является западными дверями и тѣмъ благовѣстствуетъ возстаніе Его изъ мертвыхъ. Такимъ образомъ, въ данной аргументаціи проводится уже другой взглядъ на обрядовую сторону, по которому послѣдняя важна не сама по себѣ, а поскольку она имѣетъ внутренній смыслъ и значеніе. Это было новостью на Москвѣ. Люди, не слѣдовавшіе слѣпо старинѣ и имѣвшіе свое собственное мнѣніе, только зарождались здѣсь и были еще немногочисленны. Лѣтописецъ не говоритъ, держался ли еще кто изъ епископовъ стороны Вассіана; видимо, они даже не имѣли возможности высказаться, такъ какъ на происшедшемъ преніи они не присутствовали. Вообще же такъ разсуждали, какъ онъ и Геннадій, „иніи архимандрити и игумени“²⁾; возможно, что единомысленны съ ними были и

¹⁾ Рус. Времен., ч. II, стр. 146-148.

²⁾ Тамъ же, стр. 147.

епископы, какъ это обнаружилось впоследствии: преемникъ Вассіана, арх. Іоасафъ раздѣлялъ и его мнѣніе.

Жаркій споръ былъ остановленъ нашествіемъ Ахмата, татаръ (1480 г.), но, съ минованіемъ опасности, онъ возобновился еще съ большей силой. Въ извѣстной степени на развитіе спора повліяла смерть Вассіана, послѣдовавшая въ мартѣ 1481 года. Глубокій возрастъ и старческія немощи давали чувствовать себя и прежде (въ 1480 году Вассіанъ не могъ явиться на избраніе коломенскаго владыки)¹⁾; послѣднія же политическія событія, призвавшія и его къ чрезвычайной дѣятельности, окончательно подорвали силы іерарха.

Со смертію Вассіана, главной опоры Великаго Князя въ спорномъ вопросѣ, у Геронтія не могло не явиться надежды на побѣду. Какъ произошло новое столкновеніе его съ Государемъ, лѣтописецъ не говоритъ. Онъ просто сообщаетъ, что „того же лѣта (6990) быть распря митрополита съ Великимъ Княземъ, что свѣщаль соборную церковь митрополитъ да не по солнцу ходилъ со кресты около церкви“²⁾. Но за то дальнѣйшій разсказъ отлично освѣщаетъ, что потомъ произошло.

Оставленный официально, вопросъ о посолонномъ хожденіи, однако, не потерялъ интереса самъ по себѣ. Общество сильно увлекалось споромъ. Получивъ широкое распространеніе вслѣдствіе своей доступности, онъ сдѣлался достояніемъ народа, не только „книжниковъ“, „священниковъ“, „иноковъ“, но и „мірянъ“, т.-е. людей, которые въ обычное время никогда подобными вопросами не занимались. Да и какъ было не волноваться? Новозданные храмы стояли безъ освященія и когда выяснилось, что Великій Князь „не велѣлъ свѣщати“ ихъ, желая ввести „новшество“, тогда, понятно, общество не могло признать его правымъ. Общественное мнѣніе единодушно возстало на Іоанна и осудило его, митрополита же, наоборотъ, окружило ореоломъ защитника старины и борца за истину. Волненіе умовъ было велико, и единственно, что могло внести теперь успокоеніе— это авторитетный, въ видѣ собора епископовъ, голосъ церкви. Но соборъ для Великаго Князя совсѣмъ былъ нежелателенъ. Еще во время перваго спора обнаружилось настроеніе владыкъ, продолжавшее оставаться такимъ же и теперь, которое не давало надежды Іоанну на благопріятное рѣшеніе вопроса. Источникъ говоритъ, что одинъ лишь ростовскій архіепископъ,

¹⁾ Памятн. древне-канонич. права, ч. I, № III въ Рус. Ист. Библ., ч. VI.

²⁾ 2 Софійск., стр. 233 въ П. С. Р. Д., т. VI.

„Князь Асафъ“, подобно своему знаменитому предшественнику, смѣло и открыто высказался за „посолонное хожденіе“, и этимъ даетъ знать, что прочіе епископы были единомысленны съ митрополитомъ. Но, собственно, какого въ дѣйствительности они держались мнѣнія, прямыхъ указаній нѣтъ. Возможно, конечно, что среди ихъ были несомнѣнные сторонники Геронтія въ родѣ рязанскаго епископа Симеона, о которомъ говорится, что ранѣе, до поставленія, онъ „попъ мірской на Коломнѣ бывалъ, потомъ въ чернцахъ у митрополита былъ“¹⁾, слѣдовательно, креатуры его, но предполагать, чтобы и прочіе были таковы же, едва-ли вѣрно. Двукратное умолчаніе лѣтописца, видимо преданнаго партіи митрополита, о мнѣніяхъ владыкъ, сдѣланное не безъ умысла, вынуждаетъ думать, что послѣдніе держали себя въ этомъ дѣлѣ уклончиво. На самомъ дѣлѣ, распря эта была для нихъ лично очень опасна; они были поставлены, такъ сказать, между двумя огнями, и одинаково было неудобно склоняться на сторону Князя, или же на сторону митрополита. Что опасенія были не преувеличены—это показали послѣдствія; „Князь Асафъ“ въ скорости долженъ былъ уйти на „покой“, а архимандритъ Геннадій, по-прежнему державшійся своего мнѣнія по данному вопросу, по ничтожному поводу, въ кандалахъ, попалъ въ митрополичій ледникъ на смиреніе²⁾. Такимъ образомъ, епископамъ естественно было устраняться отъ спора и благоразумно выжидать дальнѣйшаго хода событій. Но для Великаго Князя было безразлично, почему они уклонялись отъ спора и не становились на его сторону.

Итакъ рѣшеніе вопроса взяла на себя не церковь, а само общество. Настроеніе „священниковъ“ и „иноковъ“, „книжниковъ“ и „мірянъ“ всегда составляло силу, которая потрясала организація и посолоніе московской. Въ Москвѣ движеніе также носило серьезный характеръ. Здѣсь оно было такъ внушительно и приняло такой оборотъ, что передъ нимъ должно было отступить само правительство.

¹⁾ У Татищева есть указаніе, что Симеонъ былъ духовникомъ митрополита (Ист. Рос., ч. V подъ 1481 г.). Между прочимъ, о немъ, а можетъ быть вмѣстѣ съ нимъ и о только-что посвященномъ на коломенскую кафедру Герасимѣ, лѣтописецъ восклицаетъ: „Увы, увy, погибе благовѣрный отъ земли грѣхъ ради нашихъ, по Давиду: спаси меня, Господи, яко оскудѣ преподобный, яко умалишася истина отъ сыновъ человеческихъ, суетнаа „глагола кождо ко искреннему своему“ (Лѣтоп., сод. рос. истор., стр. 213).

²⁾ 2 Софійск., стр. 234.

Послѣ неизвѣстно какъ происшедшаго объясненія съ Великимъ Княземъ митрополитъ вдругъ оставилъ митрополию и удалился въ Симоновъ монастырь: „посохъ свой остави, только ризницу взя“. „И сталъ думать тогда Геронтій, чтобы оставить совсѣмъ митрополичій санъ, если только Великій Князь „роптанія того не оставитъ, что посолонь ходити“ и „не добіетъ челомъ“¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что рѣшимость Геронтія вступить въ открытію борьбу съ Великимъ Княземъ стояла въ прямой зависимости отъ указаннаго настроенія умовъ. Чувствуя за собою симпатіи народныя, Геронтій отлично сообразилъ всю выгоду своего положенія и поспѣшилъ воспользоваться имъ для сведенія счетовъ съ свѣтской властію, весьма недвусмысленно стремившейся къ полному обособленію отъ церковной. Рѣшительныя дѣйствія Іоанна достаточно ясно говорили о томъ, что митрополиту придется распротиться навсегда съ ролью верховнаго авторитета въ государствѣ и низойти на степень простого епископа съ весьма малымъ значеніемъ.

Распустивъ слухъ, что онъ не задумается сложить съ себя званіе митрополита, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія Великаго Князя, Геронтій перенесъ свои честолюбивыя стремленія на церковную почву, чтобы придать имъ религіозный характеръ. Онъ сначала пробуетъ, не удастся ли сломить „посолонное“ „роптаніе“ Государя и когда, дѣйствительно, послѣдній вынуждается уступить и посылаетъ своего сына къ нему, „моля дабы ся возвратилъ на столъ свой“, тогда Геронтій изображаетъ изъ себя уже маленькаго Григорія VII и устраиваетъ Іоанну своего рода Каноссу. Сцена униженія Іоанна въ Симоновѣ монастырѣ дѣйствительно въ общемъ много напоминаетъ такую же въ замкѣ тосканской графини, когда императоръ Генрихъ IV вымаливаетъ себѣ миръ у суроваго папы. „Князь же велики самъ ѣхавъ и би ему челомъ, моля да возвратится на столъ свой, а самъ во всемъ виноватъ сотворися, а митрополита же во всякихъ рѣчехъ обѣщася слушати и въ хожденіи въ волѣ митрополиту дать, якоже велитъ, какъ было въ старину; устава же не учинили; митрополитъ же возвратися на столъ свой“²⁾.

III.

Нѣтъ сомнѣнія, это былъ историческій моментъ въ жизни русской церкви и государства. Обязательство „Великаго Князя“ „во всякихъ рѣчехъ слушати“ митрополита говорить о испол-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

нившемся стремленіи послѣдняго преобладать въ дѣлахъ церковныхъ и гражданскихъ. Но такъ какъ прежнее своеобразное служеніе церкви государству теперь уже не имѣло мѣста, потому что объединеніе удѣльныхъ княжествъ подъ верховенствомъ московскаго властителя усиленно шло именно при Іоаннѣ III, то не только опека, но и всякое вмѣшательство митрополита въ его политику было совершенно излишне и вредно. Ибо не подвергала ли эта зависимость разнаго рода случайностямъ самый принципъ московскаго „собиранія“ — самодержавіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю будущность русскаго народа? Если даже допустить, что церковь, по-прежнему, держалась бы старыхъ доброжелательныхъ традицій къ свѣтской власти, то все-таки для государства, руководимаго священникомъ, а не царемъ, мало было въ этомъ хорошаго, и ему можно было заранѣе предсказать близкую смерть. И вотъ въ то время, когда ставился вопросъ о „быть“ или „не быть“ для цѣлаго народа, національный геній подсказалъ истинное рѣшеніе его. Общество, которое передъ тѣмъ горячо защищало митрополита, какъ поборника религіозныхъ интересовъ, теперь, понявъ, къ чему клонились его помыслы, дало имъ рѣшительный отпоръ. Народъ совсѣмъ не имѣлъ желанія видѣть у себя папу, а потому тѣсно соединился съ Великимъ Княземъ въ повторившейся борьбѣ его съ Геронтіемъ, результатъ чего не замедлилъ сказаться: государственное начало побѣдило окончательно начало теократическое.

Новое столкновеніе произошло въ 1484 году (6992). Въ іюлѣ этого года у Геронтія явилось опять желаніе оставить митрополию и укрыться въ томъ же Симоновѣ монастырѣ. На этотъ разъ онъ захватилъ съ собою не только ризницу, но и посохъ. Лѣтописецъ говоритъ, что оставить кафедру его побудила какая-то болѣзнь¹⁾, но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Татищевъ свидѣтельствуетъ, что когда митрополитъ удалился въ Симоновъ монастырь, то „Князь Великій посылалъ къ нему да возвратится (на митрополию), онъ же не послушалъ“. Тогда Іоаннъ повелѣлъ отобрать у него ризницу и слугъ²⁾. Ясно, что о болѣзни тутъ не можетъ быть и рѣчи. Помимо того, дѣйствія Геронтія, захватившаго съ собою посохъ, символъ власти, и „туженіе много по митрополіи“, когда В. Князь не хотѣлъ признавать его болѣе митрополитомъ убѣдительно говорятъ о на-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Исторія Рос., ч. V подъ 1484 г.

мѣреніи его не упускать эту власть изъ своихъ рукъ. Но болѣзнь, которая заставила бы рѣшиться на оставленіе кафедръ, должна была быть такого характера, что не давала никакой надежды на поправленіе... Итакъ повторить соблазнъ (σκάνδαλον) Геронтія побудило, очевидно, опять недоразумѣніе, возникшее между нимъ и Княземъ, но изъ-за чего—прямыхъ указаній нѣтъ. Мы можемъ только догадываться, соображаясь съ обстоятельствами, что пререканіе вышло изъ-за архимандрита Геннадія.

Со смертью архіепископа Теофила (въ концѣ 1482 г.) закончился рядъ новгородскихъ владыкъ, выбравшихся вѣчемъ изъ своихъ же новгородцевъ. Съ уничтоженіемъ политической независимости республики порядокъ этотъ, конечно, не могъ уже существовать, и избраніе ихъ должно было совершаться въ Москвѣ, какъ и другихъ архіереевъ. Кромѣ того, Великому Князю крайне важно было замѣстить новгородскую кафедру человѣкомъ вполне ему преданнымъ. Въ 1483 году въ Новгородъ, дѣйствительно, былъ посвященъ троицкій игуменъ Сергій, но новгородцы встрѣтили его весьма недружелюбно. Помимо того, что Сергій былъ „шестникъ“, т.-е. чужой, онъ не нравился имъ главнымъ образомъ за свои политическія убѣжденія, которыя шли въ разрѣзъ съ ихъ собственными: „не хотяху новгородци покориться ему, что не по нихъ онъ мысли ходить“¹⁾. Въ короткое время въ борьбѣ съ крамолой Сергій такъ разстроилъ свое здоровье, что, совершенно больной, принужденъ былъ оставить свое мѣсто и удалиться въ тотъ же Троицкій монастырь²⁾. Пошелъ слухъ, будто новгородцы „отняли у него умъ волшебствомъ, глаголаша: Іоаннъ чудотворецъ, что на бѣсѣ ѣздилъ, тотъ створи ему“³⁾. Но Великаго Князя трудно было удивить новгородскими „чюдесами“; онъ рѣшилъ лишь послать вмѣсто Сергія человѣка съ болѣе крѣпкими нервами и характеромъ, способнаго выдержать всевозможныя „чары“ и, конечно, лучшаго кандидата, чѣмъ Геннадій, трудно было найти. Іоаннъ останавливалъ на немъ вниманіе еще при избраніи Сергія, но тогда, хотя Геннадій и являлся въ числѣ кандидатовъ, „вынялся жребій“ не его: роль неблагосклонной къ чудовскому архимандриту судьбы очевидно сыгралъ Геронтій. Тотъ разъ Великій Князь уступилъ; теперь же, въ виду серьезности положенія, такъ такъ новгородцы не думали мириться съ своей участію и продолжали волноваться, дальнѣйшая уступка само-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

любію митрополита была бы большой политической ошибкой, и Іоаннъ рѣшилъ настоять на своемъ. Мы слишкомъ хорошо знаемъ характеръ Геронтія, особенно послѣ событій 1482 года, чтобы сомнѣваться въ томъ, что въ желаніи Великаго Князя онъ увидѣлъ полное нарушеніе своихъ правъ (государственной прозорливости ожидать было нельзя) и въ концѣ концовъ—новое: „сѣха въ монастырь на Симоново“! ¹⁾ Прибѣгая къ прежнему приему, давшему ему возможность одержать верхъ надъ Великимъ Княземъ, митрополитъ былъ увѣренъ въ цѣлесообразности его и въ данную минуту. Несомнѣнно, что, будь Геронтій лучше освѣдомленъ о настроеніи общества, онъ не рѣшился бы на поступокъ, который поставилъ его въ такое же точно положеніе, въ какомъ оказался ранѣе Великій Князь. Конечно, легко было понять различіе между „тогда“ и „теперь“, между интересами чисто церковнаго характера и тѣмъ, что относилось также и къ юрисдикціи Государя, ибо избраніе епи-

¹⁾ Слѣдующія обстоятельства заставляютъ предполагать, что разрывъ произошелъ именно изъ-за Геннадія. По свидѣтельству Татищева Геронтій „бысть отлученъ“ отъ митрополии „три мѣсяцы“, а такъ какъ онъ возвращенъ былъ въ самомъ началѣ ноября, то начало удаленія его падаетъ на конецъ іюля 1484 года. Съ другой стороны, арх. Сергій прибылъ въ Москву 27 іюля того же года, слѣдовательно, разрывъ произошелъ въ такое время,—когда необходимо долженъ былъ возникнуть вопросъ о преемникѣ Сергію. Правда, Е. Е. Голубинскій утверждаетъ, будто митрополитъ былъ въ отлученіи „ровно“ годъ (Ист. рус. цер., т. II, 1-я 1/2, стр. 558). Но дѣло въ томъ, откуда взялъ Е. Е. свой „ровно“ годъ? Очевидно, лѣтописное выраженіе (2 Софійск. подъ 6993 годомъ— въ П. С. Р. Л., т. VI) „(въ четвергъ) въ тотъ же день по Кузьмѣ Демьяновѣ дни“ онъ понялъ, какъ указаніе на день, когда удалился въ монастырь митрополитъ, но гораздо естественнѣе относить „въ тотъ же день“ къ предшествующему слову: „въ четвергъ“. Лѣтописецъ просто подчеркиваетъ свою мысль; какъ часто выражаемся и мы: „въ среду, тогда же“... Помимо яснаго указанія Татищева (которому Е. Е. не довѣряетъ вообще), можно указать на свидѣтельство Воскресенской лѣтописи (въ П. С. Р. Л., т. VIII подъ 6992 г.), коимъ подтверждается, что Геронтій до конца іюля 1484 года былъ на митрополии. Послѣ упоминанія о томъ, что Сергій 27 іюня прибылъ въ Москву, лѣтописецъ продолжаетъ: „Геронтій митрополитъ заложи церковь каменну у своего двора Пречистые ризъ Положеніе“. Затѣмъ, въ разсказѣ лѣтописца объ избраніи Сергія и Геннадія наблюдается такая разница: Сергію достается каедрa по жребію, тогда какъ о томъ, чтобы и Геннадій былъ поставленъ такимъ же образомъ, ничего не говорится. Онъ, повидимому, прямо былъ назначенъ въ Новгородъ, но если назначенъ, то, конечно, лишь по желанію Великаго Князя, а такъ какъ поставленіе его состоялось уже послѣ примиренія митрополита съ Государемъ, то, вѣроятно, назначеніе его было поставлено въ непремѣнное условіе Геронтію.

скопа никогда не было единоличнымъ актомъ митрополита, но Геронтій уже не разъ доказалъ свою не дальновидность, доказалъ онъ ее и въ данномъ случаѣ. Мы едва-ли ошибаемся, предполагая удовольствіе Іоанна, вызванное необдуманымъ поступкомъ митрополита, дававшимъ полную возможность ему во всемъ свѣтѣ выставить неправомѣрность и строптивость своего противника, потому что, въ противномъ случаѣ, могъ ли онъ подвергнуть Геронтія такимъ униженіямъ и оскорбленіямъ, какихъ въ подобныхъ обстоятельствахъ не испытывалъ ни одинъ митрополитъ ни прежде, ни послѣ?! Отказываясь, по приглашенію Государя, возвратиться на свое мѣсто, митрополитъ былъ увѣренъ въ новомъ торжествѣ, въ новой побѣдѣ надъ Княземъ, но произошло нѣчто для него неожиданное: общество совершенно спокойно отнеслось къ происшедшему. Тогда Геронтій счелъ за лучшее немедленно „оздравить“ „и хотѣ опять на митрополию. Князь же Великій не восхотѣ его и неволею не остави митрополи; и посла къ нему Пасею. и не може ввести его въ то, многожды убѣгалъ изъ монастыря и имаща его, и тужи много по митрополи. Князь Великій поча думати съ Пасею, пригоже ли его опять взяти на митрополию? Онъ же сдума, хотяше бо его самого на митрополью, онъ же не хотяше... и умоленъ бысть (Князь)“. „Въ лѣто 6993, въ четвергъ. въ тотъ же день по Кузьмѣ Демьяновѣ дни по осенемъ. възведе Князь Великій того же митрополита Геронтія на столъ“. Естественно возникаетъ вопросъ: какъ могло состояться примиреніе между ними? Что при этомъ имѣло мѣсто „умоленіе“—это несомнѣнно, но нельзя думать, чтобы Іоаннъ ограничился лишь однимъ извиненіемъ со стороны Геронтія. Въ духѣ его было поступить съ митрополитомъ такъ же, какъ тотъ поступалъ съ нимъ, и если Геронтій въ 1482 году потребовалъ отъ Великаго Князя полного себѣ послушанія, то въ 1485 г. онъ долженъ былъ самъ безусловно подчиниться волѣ Государя. И дѣйствительно, до самой своей смерти Геронтій ничѣмъ не заявилъ о своемъ существованіи, между тѣмъ богомилство въ Новгородѣ и Москвѣ (ересь „жидовствующихъ“), просвѣтительное движеніе при дворѣ Великаго Князя Іоанна Іоанновича и проч., развѣ все это не вызывало его на дѣятельность, не давало ему причины обнаружить свою власть?

Такъ закончилась послѣдняя борьба Геронтія съ Іоанномъ III.

Ө. Ильинскій.